

И.Е. СУРИКОВ*

СПЕЦИФИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА В СРАВНЕНИИ С РИМСКИМ

Статья имеет обобщающий и компаративный характер. Сравняются греческие реалии полисной эпохи (включающей архаический и классический периоды) с римскими реалиями эпохи Республики. Проводится сравнительный анализ важнейших элементов государственно-правовой системы в греческих полисах и в Риме: речь заходит о народном собрании, о Совете (применительно к Риму берется для сравнения, естественно, сенат), о магистратурах. Затрагивается также вопрос соотношения граждан и неграждан в государственно-правовом аспекте. Повсюду подчеркивается имеющий место контраст между эгалитаризмом греков и иерархизмом римлян.

Ключевые слова: античная Греция, Рим, Афины, государственное право, компаративное исследование, ментальность, политико-правовые институты, полис, магистратуры, гражданство.

The paper's focus is on a general and comparative study of the realities of Greek polis of the archaic and classic periods and Rome of the Republican period. The paper provides a comparative analysis of the key elements of the public law (state institutions in the Greek poleis and in Rome: the popular assembly, the Council (the Senate in Rome), the magistrates' office. The paper also touches on the issue of citizens versus aliens in the public law. The paper stresses the contrast of egalitarianism of the Greeks and hierarchical disparity of the Romans.

Keywords: Ancient Greece, Rome, Athens, public law, comparative study, mentalities, political and legal institutions, polis, public offices, citizenship.

* Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Работа проведена при поддержке РГНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

Когда автор этих строк, являющийся специалистом по Древней Греции, получил от Л.Л. Кофанова любезное приглашение стать участником поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта, озаглавленного «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права», то, в общем-то, сразу было ясно, что нужда в нас возникла именно в связи с необходимостью компаративного взгляда на релевантные римские реалии со стороны соответствующих (или не вполне соответствующих) им греческих.

Наверное, выбор именно нашей кандидатуры со стороны руководителя проекта был все-таки верным. Нам в прошлом доводилось (и неоднократно) писать с той или иной степенью детализации о различных древнегреческих (в первую очередь афинских) государственно-правовых институтах. Среди таковых народное собрание¹, Совет Ареопага², Совет Четырехсот/Пятисот³, архонтат⁴, гелиея (суд присяжных)⁵, армия⁶, специфический институт гетерий⁷, еще более специфический институт остракизма⁸. Собственно, и сам институт греческого полиса был нами рассмотрен в ряде своих аспектов⁹. Надеемся когда-нибудь осуществить свою мечту и описать в монографическом формате систему греческих полисных институтов — именно как систему, как некое единство.

Это одно. С другой же стороны, мы тут можем опереться не только на свой прежний опыт работы с эллинскими государственно-правовыми институтами, но и на свои же прежние попытки сравнительного анали-

¹ Суриков 2012а.

² Суриков 1995. Писать «ареопаг» со строчной буквы мы были тогда принуждены лицом, редактировавшим нашу упомянутую статью (*nomina sunt odiosa*). А на самом деле, конечно, требуется прописная буква — «Ареопаг» (как, в общем-то, и пишут во всех западных историографиях).

³ Совет Четырехсот — от реформ Солона до реформ Клисфена; Совет Пятисот — с момента реформ Клисфена. См.: Суриков 2005а.

⁴ Суриков 2012б.

⁵ Суриков 2005б; 2008.

⁶ Суриков 2010а.

⁷ Суриков 1997.

⁸ Этому институту был посвящен целый ряд наших статей, но теперь уже нет смысла на них ссылаться, поскольку сделанные в них выводы так или иначе нашли отражение в итоговой монографии: Суриков 2006а.

⁹ Дементьева, Суриков 2010; Суриков 2010б. Применительно конкретно к Афинам см.: Суриков 2013.

за древнегреческой и римской цивилизаций, в том числе и в правовом ключе¹⁰. Да, уже в них мы отмечали различие между правосознанием греков и римлян, и на этом различии далее остановимся подробнее.

Но перед этим мы очень просили бы потенциального читателя не счесть ссылки автора на его собственные предыдущие разработки чем-то неподобающим — «саморекламой» или чем-то в этом роде (и в мыслях у нас ничего подобного не было). Нам это кажется совершенно нормальной практикой (которая тем не менее почему-то кое-кого раздражает): в итоговой статье ссылаться на те, ей предшествовавшие, которые были как бы «ступенями» к этому итогу. Единственная альтернатива — дублировать аргументацию из этих предварительных статей. Но что тогда получится? Разрастание статьи до размера книги.

Порой тонкое наблюдение, сделанное даже по частному поводу, заставляет задуматься и о вещах более общих. Греки изобрели остракизм, а римляне — триумф; на символичность данного нюанса однажды указал¹¹ в очень интересной статье У. Рансимен — даже не историк-антиковед, а политолог, глубоко интересующийся античностью. Кстати, вся его статья, на которую мы только что сослались, проникнута духом компаративизма, попыткой понять, почему римляне создали Империю, а греки на этом поприще, так сказать, потерпели поражение.

Другой нюанс, который на первый взгляд не имеет отношения к предыдущему, но, если вдуматься, напрямую с ним связан (связь станет ясна из дальнейшего изложения): в мире древнегреческих полисов не было юристов. Журнал «Древнее право» читается в основном исследователями Рима (или тех обществ, которые подверглись римскому влиянию, так или иначе испытали рецепцию римского права), и им поэтому, наверное, даже трудно будет мысленно «переварить» сам факт существования какого-то западного общества без юристов. Тем не менее факт есть факт¹².

Соответственно, греческое право было, как выражаются, «правом без юриспруденции»¹³. Оно было, так сказать, рассеяно по обществу, являлось достоянием всех (т.е. всех граждан). Сказанное относится, само собой, и к государственному праву.

Здесь, наверное, самое время оговорить те хронологические рамки, в которых нам хотелось бы остаться. Это архаическая и классическая эпохи

¹⁰ Например: Суриков 2000а; 2010в.

¹¹ Runciman 1991, 366.

¹² Суриков 2004, 11–12.

¹³ Jones 1956, V.

(в своей совокупности VIII–IV вв. до н.э.), или, выражаясь иначе, *полисный* период древнегреческой истории. В эпоху эллинизма мы углубляться не планируем, поскольку эллинистическая цивилизация (в большинстве своих проявлений) была совершенно особой, не вполне греческой и даже не вполне античной. Сравнить римские реалии (и в первую очередь государственно-правовые) следует именно с греческими *полисными* реалиями; сопоставление их с тем, что имело место в тех же эллинистических монархиях, не даст должного результата, поскольку в поле нашего зрения окажутся вещи, если можно так выразиться, из «разных измерений».

Все это очень тонко прочувствовали авторы совсем недавнего коллективного труда¹⁴, посвященного сравнительному анализу древнегреческой демократии (т.е., в сущности, древнегреческого полиса, который был имманентно демократичен, эгалитарен по определению) и Римской республики. Эта работа ныне, пожалуй, становится ключевой для постижения соответствующей проблематики.

Несколько слов о ней. В последние полтора десятилетия в западной (конкретно – в англоязычной) литературе по антиковедению (и, кажется, не только по нему) получил чрезвычайно большое распространение жанр, который в оригинале называется «Companion». Кстати, большой проблемой является поиск нужного русского слова, которое адекватно передавало бы значение данного термина. Пока проблема эта не решена, после всех обсуждений искомая лексема так и не найдена. Пособие? Справочник? Не вполне то... Приходилось слышать от кого-то даже вариант «компендиум», но это уж явно совсем не то. И притом нельзя же в переводе давать буквальную кальку, писать «компэньон» или «компаньон»... Это означало бы расписаться в полной собственной несостоятельности, которая, полагаем, все-таки не имеет места. Автор этих строк даже как-то, выступая перед молодыми учеными, сказал, что просто-таки премии будет достоин тот, кто предложит оптимальный вариант.

В норме «Companion» – коллективный труд, посвященный некой единой (более или менее широкой) теме. В числе авторов такого труда мы, как правило, обнаружим антиковедов самого крупного масштаба (хотя, естественно, и не только их). В то же время книги, выходящие в подобных сериях, демонстративно ориентированы не на специалистов, а на более широкую аудиторию – на обучающуюся молодежь, да и, в общем-то, просто на образованную публику. Это накладывает свой отпечаток на все – и на более облегченный по сравнению с монографиями и статьями характер изложения (причем по большей части скорее описательный, чем концептуальный), и на большую категоричность суждений, и на достаточ-

¹⁴ Companion 2015 (далее для краткости – CGDRR).

но скудный аппарат, ограничивающийся лишь небольшим количеством ссылок на литературу в тексте, да еще рекомендациями по дальнейшему чтению в конце каждой главы. Иными словами, перед нами в некотором роде популяризация науки; однако же популяризация, осуществляющаяся на весьма высоком уровне.

Та книга, о которой здесь идет речь¹⁵, имеет определенное несходство со своими многочисленными «сестрами» — в том плане, что, хотя она тоже является тематической, в ней освещены, вопреки традиции, две темы (обозначенные в заголовке), причем в постоянном сопоставлении. Работа имеет, таким образом, выражено компаративный характер. Так она и задумывалась, что подчеркивает во введении к ней ее редактор Д. Хэммер¹⁶.

Буквально на первой же странице этого введения он вводит — применительно как к греческим полисам, так и к республиканскому Риму — новое понятие (действительно, раньше оно нам не встречалось) — *participatory community*. Вот, опять проблема перевода... «Сообщество участников»? Или даже «соучастников»? (Разумеется, не в смысле «соучастников в преступлении» или чего-то в этом духе, а в том смысле, что это были участники, реально сочувствовавшие общему делу, «жившие» в нем.) Речь идет о так называемом политическом участии — категории достаточно важной, особенно в демократических обществах¹⁷.

Вот как сам Хэммер определяет¹⁸ тот тип сообщества, который он хочет описать: в нем «политика не представляется исключительной зоной некой небольшой группы, а предполагает законность важных политических результатов, принятых в какой-то степени с широким участием». В сущности, речь идет о том, управляет государством народ в целом или элита, контролируемая народом¹⁹. У нас в таких случаях принято прибегать к противопоставлению «прямая демократия — представительная демократия».

¹⁵ В настоящее время автор этих строк в соавторстве с А.В. Махлаюком готовит на нее рецензию для журнала «Вестник древней истории». Когда она выйдет, читатель сможет получить из нее максимально общее представление обо всем вошедшем в книгу материале. А здесь мы акцентированно и подробнее остановимся только на тех высказанных в ней идеях, которые имеют прямое отношение к тематике настоящей статьи.

¹⁶ Hammer 2015a.

¹⁷ Применительно к Греции см.: Sinclair 1991; Mossé 2013.

¹⁸ Hammer 2015a, 2.

¹⁹ Весьма спорные рассуждения, согласно которым только в последнем из этих двух случаев можно говорить о демократии, а, стало быть, античная прямая демократия вообще не может считаться демократией, см.: Кудрявцева 2008, 425 слл. Наши возражения см.: Суриков 2008.

Д. Констан, автор первой главы (а фактически второго введения)²⁰ в коллективном труде, о котором идет речь, ставит вопрос в иную перспективу. Если Хэммер сконцентрировался в основном на том, что общего между греческими демократическими полисами и Римской республикой, то Констан, напротив, делает наблюдения о различиях. Справедливой представляется его точка зрения, что подчас интересно находить не только общее в разных обществах, но и различное в обществах, по видимости, весьма схожих. «На самом деле Греция и Рим, возможно, различаются более радикально, чем Рим и древняя Персия или Афины и Карфаген»²¹. Сказано сознательно провокационно, но подумать есть о чем.

В той же главе Д. Констана акцентируется контраст между греческой (в основном, конечно, афинской²²) эгалитарностью и римской иерархичностью, между греческой *δημοκρατία* и римской *res publica*. В ней, в сущности, итожатся основные результаты, к которым пришли авторы глав основной части рассматриваемой тут книги. Из этих глав некоторые для нас будут особенно важны, и к ним мы вот-вот обратимся, но вначале скажем еще несколько слов о содержании заключения к рассматриваемому коллективному труду.

Написано заключение тем же Д. Хэммером²³, который в нем не только апеллирует к выкладкам коллег в предыдущих разделах, но и высказывает некоторые новые соображения. Например, он сравнивает римскую *libertas* с греческой *ἐλευθερία*: «У греков свобода возникает как самоутверждение против внутренней тирании, а затем, в течение Персидских войн, расширяется до претензии на государственный суверенитет... У римлян свобода возникает как реакция против царей (и дальнейшего олигархического управления), имевшая место в большей степени в сфере внутренней политики... В обоих случаях свобода ассоциируется с правовым статусом гражданина, демонстрирующим, что человек не является рабом»²⁴.

Прервемся для небольшого комментария. Выше уже отмечалось, что одной из главных черт, характерных для такого жанра, как «Companion»,

²⁰ Konstan 2015.

²¹ Konstan 2015, 8.

²² Необходимо оговорить, что авторы «греческой» части рецензируемой книги апеллируют в подавляющем большинстве случаев к реалиям Афин (примеры, относящиеся к другим полисам, составляют лишь незначительное меньшинство). От этого, видимо, никуда не деться — в силу самой источниковой ситуации; но все-таки всегда нужно держать в памяти, что Афины не есть вся Греция, они даже нетипичны для Греции.

²³ Hammer 2015b.

²⁴ Ibidem, 505.

является упрощенность изложения. Упрощенность эта удобна до известного предела, но когда она начинает приводить к неверному описанию действительности прошлого, сие не есть хорошо. Зачем так грубо связывать древнегреческое понятие свободы (ἐλευθερία) обязательно с борьбой против тирании? Да, мы согласимся с тем, что ἐλευθερία – понятие в основном внутривнутриполитическое, в отличие от αὐτονομία, внешней независимости, государственного суверенитета. Однако же у греков термин «ἐλεύθερος» («свободный») все-таки не коррелирует напрямую с тираническим или нетираническим устройством государства²⁵. Относительно же римлян тоже хотелось бы сказать, что, к примеру, civitates liberae – уж точно не вполне внутривнутриполитическое понятие.

Еще одна чеканная (и на сей раз совершенно верная) формулировка Хэммера: «В отличие от Рима, где политическое неравенство отражало социальное неравенство, в Афинах социальное неравенство находилось в драматическом контрасте с политическим равенством»²⁶.

В очередной раз речь заходит о греческом эгалитаризме и римском иерархизме, о греческой «экслюзивности» в плане абсорбции новых элементов и римской «инклюзивности» в том же плане, а, кроме того, автор заключения пытается под конец как бы «преподать урок» современным демократиям, указав на те негативные черты, которые присутствуют в них, но не были свойственны демократиям античным. Намерение, допускаем, благое, но, кажется нам, бесполезное, коль скоро полиса не возродить.

В любом случае труд, о котором здесь идет речь, может быть (несмотря на недостатки, отмеченные выше) признан достойным вкладом в историографию античности. Во-первых, налицо большая информативность книги. Тот, кто впервые сталкивается с подобными сюжетами, узнает из нее очень много. На этом фоне даже повторы в разных главах практически одних и тех же тезисов (а таковые, бесспорно, имеются и они, наверное, были неизбежны) не слишком-то раздражают: в конце концов *repetitio est mater studiorum*.

Во-вторых, сравнительный подход, которого достаточно последовательно придерживаются авторы работы, безусловно, приносит свои плоды. Яснее становятся как то общее, что было между греческими полисами и республиканским Римом, так и различия между ними – различия

²⁵ Отмечалось (Бенвенист 1995, 212 слл.), что греч. ἐλεύθερος коррелирует с нем. Leute, рус. «люди». Здесь мы имеем «свободу» как принадлежность к некоему коллективу в качестве полноправного его члена. Перед нами ярко выраженная «свобода для», а не «свобода от», позитивная, а не негативная свобода. Этой проблематикой много занималась Ханна Арендт, и вполне закономерно, что заключение Д. Хэммера пестрит ссылками на ее работы.

²⁶ Hammer 2015b, 506.

весьма существенные, порой контрастные, а главное, имеющие системный характер. Так, нежелание греков абсорбировать «чужаков» было тесно связано с эгалитаризмом их политий, а иерархизм римлян, напротив, делал их несравненно более терпимыми в данном плане и, кстати, приводил тем самым к росту государства, в то время как эллинские полисы как бы «законсервировались» в своих размерах.

В контексте данной обобщающей статьи вполне естественным представляется обратить особенное внимание на два раздела изданного Д. Хэмером сравнительного исследования древнегреческих и римской политий: «Институты» и «Право». Каждый из них, согласно порядку, принятому в данном издании, включает две главы, написанные в компаративном по отношению друг к другу духе.

Так, в разделе «Институты» (или «Учреждения» — и так тоже можно перевести английское «Institutions», но в любом случае мы, специалисты, в общем-то, прекрасно понимаем, о чем идет речь²⁷) «греческая половина» принадлежит П. Родсу — уж кого, как не его, можно назвать одним из тончайших в современном антиковедении знатоков древнегреческих (преимущественно афинских) политических институтов и процессов? Он характерно озаглавил свою главу «Конгруэнтность власти»²⁸ (а соответственно его «римский» визави Х. Муритсен — «Неконгруэнтность власти»²⁹).

Впрочем, данный текст Родса показался нам несколько описательным, хотя, конечно, не лишенным верных наблюдений. Приведем несколько цитат из него (сноски, делаемые по ходу этих цитат, принадлежат нам — в порядке пояснения): «Вначале, как кажется, полисы управлялись царями (гораздо более умеренными³⁰ по сравнению с величественными деспотами ближневосточных царств), но довольно рано они уступили место коллективному правлению аристократии семейств, возросших в течение

²⁷ О борьбе между «институциональным» и «неинституциональным» подходами к античной греческой демократии см.: Суриков 2006а, 10 слл. Там уже названы основные адепты первого подхода (М. Хансен) и подхода второго (Дж. Обер), а также те, кто стремится занять, так сказать, «средневзвешенную» позицию (на сегодняшний день это прежде всего П. Родс).

²⁸ Rhodes 2015.

²⁹ Mouritsen 2015.

³⁰ П. Родс и сам здесь выражается умеренно (всецело в присущем ему духе): ныне в западной историографии чрезвычайно распространен скептицизм (восходящий к: Drews 1983) в вопросе о том, следует ли считать раннегреческих басилеев царями. Одно из последних ярких проявлений этого скептицизма (которому мы, сразу скажем, не симпатизируем): Hall 2014, 127 ff.

темных веков³¹ в качестве собственников крупнейших наделов хорошей в сельскохозяйственном отношении земли, и (хотя в «Илиаде» и «Одиссее» цари в некоторых случаях консультируются с другими членами своих общин) официальные политические институты начали развиваться именно в этом контексте. Фундаментальными явлениями были собрание всех членов общины, имевшее свою долю в политической власти (членство всегда было ограничено взрослыми мужчинами, а в аристократических общинах — теми, кто принадлежал к «правильным» семьям и (или) был достаточно состоятелен), а также должностное лицо или должностные лица, назначаемые на ограниченный период, обычно на год³².

«В греческих полисах подразделения не имели отношения к членству в гражданском коллективе, который являлся нераздельным органом тех, кто был признан как граждане, и каждый голосовал индивидуально»³³. Речь идет, естественно, о подразделениях гражданского коллектива. Таковые были в любом полисе — как в греческих, так и в римском. Но только в Риме встречаем мы «двухступенчатое» голосование в комициях, фактически групповое, коллегиальное голосование, а не индивидуальное, в то время как в Греции действительно в норме работал механизм «один гражданин — один голос».

«Официальное отношение между Советом и собранием разительно отличалось в греческих полисах от того, что было в Риме, где сенат и магистраты на практике доминировали в процессе принятия решений (как, например, и в Спарте), но в теории функция сената заключалась только в том, чтобы давать советы магистратам»³⁴.

«В греческих полисах, были ли граждане в народном собрании активны, как в Афинах, или пассивны, как в Спарте, народное собрание выступало в качестве органа, который в любом случае принимал важнейшие решения, и должностные лица, избранные жребием или голосованием, не стояли над гражданами, как в Риме, а были лишь агентами, получившими некие обязанности на ограниченный срок от граждан и подотчетными гражданам»³⁵. Если вдуматься, «агент» по отношению к греческим магистратам не такое уж плохое слово. С другой стороны, к римским республиканским магистратам оно, конечно, никак не приложимо.

³¹ Термин «темные века» ныне представляется неудовлетворительным. См. о соответствующих проблемах: Coulson 1990, 7 ff.; Суриков 2012в.

³² Rhodes 2015, 132.

³³ Ibidem, 134.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem, 135.

«В греческих государствах, в то время как граждане сообща участвовали в принятии решений, они, в свою очередь, участвовали и в выполнении этих решений, и именно это имеет в виду Аристотель, когда он пишет, что гражданин — это человек, который должен по очереди властвовать и быть подвластным»³⁶. «Греческие государства, в отличие от Рима, не имели официального *cursus honorum*»³⁷. Последнее наблюдение, между прочим, чрезвычайно важно. В тех же Афинах мы вполне можем встретить человека, уже побывавшего стратегом, на посту какого-нибудь ситофилака³⁸. Возможно ли помыслить, что римский консуляр вдруг становится квестором или эдилом? Нет, конечно. «Вверх, только вверх!» В этом тоже сказывался иерархизм римлян³⁹.

«Должностные лица не просто назначались коллективом граждан и из своего числа, но (в греческих полисах по контрасту с Римом⁴⁰) они были подотчетны коллективу граждан»⁴¹. И это тоже абсолютно верно. В Риме не было ни малейшей аналогии греческим *евтинам* — регулярным и обязательным отчетам магистратов (и любых иных носителей власти, например членов Совета Пятисот)⁴². «Судебная система в греческом мире опять же основывалась на участии граждан, а не на профессионализме»⁴³. Об этом у нас выше уже говорилось: в Греции не было юристов, греческий суд был судом любителей, а не профессионалов.

Также Родс говорит о соотношении религиозных и светских правовых реалий у греков: «Они охотно использовали храмовые сокровищницы

³⁶ Rhodes 2015, 135.

³⁷ Ibidem, 136.

³⁸ В данном случае речь идет об Аните — главном обвинителе Сократа в 399 г. до н.э. К биографии Анита см.: Nails 2002, 37 f.

³⁹ Занятно, конечно, что Россия (которую на Западе почему-то всегда упрекают за «тоталитаризм») в данном плане весьма эгалитарна и близка древнегреческим полисам. Скажем, бывший премьер-министр В. Черномырдин потом работал послом на Украине (уж куда как не понижение в должности!). Бывший премьер-министр С. Кириенко стал полпредом в Приволжском федеральном округе, потом возглавил Росатом. Бывший премьер-министр Степашин возглавил Счетную палату. Бывший премьер-министр Фрадков возглавил СВР... Примеры можно было бы множить и множить.

⁴⁰ Как замечает нам Л.Л. Кофанов, данная формулировка П. Родса не вполне точна: в республиканском Риме тоже имела место строгая отчетность магистратов по сложению ими полномочий. См.: Кофанов 2002, 63–72.

⁴¹ Rhodes 2015, 136.

⁴² Об этой процедуре см., например: Sarawan 1987.

⁴³ Rhodes 2015, 138.

для светских целей, в своих народных собраниях они принимали решения по сакральным вопросам точно так же, как и по светским, и религиозные должностные лица были государственными должностными лицами, такими же, как и любые другие... Укорененность религии в обществе схожей была и в Риме, но там, кажется, благоприятные знамения чаще, чем в Греции, требовались для придания авторитета целому ряду осуществляемых государством действий»⁴⁴.

Но вот здесь, мы убеждены, видный английский антиковед чрезмерно категоричен, он впал в крайности. Во-первых, греки тоже очень трепетно относились к знамениям. Приведем хотя бы один (но в высшей степени характерный) пример: 479 г. до н.э.; разгар Греко-персидских войн; «судьбоносная» битва при Платеях, которая должна определить, кто останется побежденным, а кто победителем. Главнокомандующий союзным эллинским войском спартанский регент Павсаний приказывает жрецам неустанно приносить жертвы и читать предзнаменования по внутренностям жертвенных животных. Как нарочно, предзнаменования идут неблагоприятные и неблагоприятные...

До получения благоприятных знаменаний нельзя начать битву. Благодарные, но хитроумные греки давно уже изобрели такую практику: если при первой жертве хороших знаков не получится — приносить вторую, смотреть опять, при необходимости — третью, четвертую и т.д. Этим-то и занимался Павсаний, а тем временем персы уже атаковали, наносили ущерб греческим рядам, гибли люди... А командующий не мог даже отдать приказ отразить нападающих! И вот, наконец, жертвы «выпали удачно», и тотчас он посылает своих воинов в бой. Платейское сражение, как известно, окончилось полной победой греков.

Во-вторых, в принципе есть сомнения, можно ли говорить о чем-либо «светском» применительно к греческому религиозному менталитету. Кажется, все, относящееся к полису, у эллинов было так или иначе сакрализовано. Можно говорить разве что о разных степенях сакральности⁴⁵.

Завершает свою главу П. Родс характерными словами: «В то время как Рим абсорбировал новые и новые общины, переходившие под его контроль, так, что теория города-государства, управляемого гражданами, все более отрывалась от реальности, греческие государства оставались государствами граждан (citizen-states), с учреждениями, отражавшими эту фундаментальную характеристику»⁴⁶.

⁴⁴ Rhodes 2015, 140.

⁴⁵ См. к этому: Суриков 2006б; Papadopoulos 2008, 31 ff.

⁴⁶ Rhodes 2015, 144.

Каковы же наблюдения в том же контексте о римских реалиях, принадлежащие Х. Муритсену? Этот последний уже в самом начале изложения указывает на «трудности, с которыми сталкивается сравнение греческих и римских институтов. На самом первичном уровне приходится признать тот простой факт, что мы противопоставляем один-единственный город-государство [имеется в виду Рим. — *И.С.*], причем такой, который... рос, абсорбируя другие города, с целой культурой городов-государств [имеется в виду Греция. — *И.С.*]. А в рамках этой культуры лишь немногие полисы более или менее хорошо освещены источниками — и необязательно самые типичные из них с точки зрения размера и структуры. Еще одна проблема связана с диахронным аспектом подобного сравнения. Римская республика существовала почти 500 лет и не оставалась статичной в течение этого периода, говорить ли о ее институциональных структурах или об их практическом выражении. И правда, сами римляне видели в динамичной природе своей политической системы одно из ее главных качеств и достоинств. Таким образом, учитывая как продолжительность существования Римской республики, так и явные многочисленность и разнообразие греческих полисов, мы рискуем в конечном счете начать сравнивать некую «выжимку» Римской республики с неким обобщенным «греческим полисом»⁴⁷.

Как ни парадоксально, процитированное суждение одновременно и верно, и неверно. С одной стороны, греческие полисы (а их было более тысячи!⁴⁸) действительно были чрезвычайно многообразны, и не существовало двух «полисов-близнецов». С другой стороны, *все* греческие полисы отличались от республиканского Рима следующим: даже самая крайняя греческая олигархия или аристократия не может быть уподоблена по степени элитарности Римской республике с ее сенаторским сословием⁴⁹. Так что повод (и материал) для сравнения все-таки имеется.

К тому же заметим: чтобы предметы могли быть сравниваемы, в них должно быть не только что-то разное, но и что-то общее (как говорится, нельзя сравнивать круглое с красным). А в нашей ситуации определенная общность тоже налицо. Сам же Х. Муритсен отмечает, что «республиканские структуры [римские. — *И.С.*] являются предметом серьезных дискуссий, но, похоже, они включали «стандартные» элементы — народ-

⁴⁷ Mouritsen 2015, 146.

⁴⁸ Естественно, если учитывать полисы-колонии. Точный подсчет был произведен учеными Копенгагенского центра по изучению полиса, которые под руководством М. Хансена предприняли грандиозный проект — составление полного каталога греческих полисов архаической и классической эпох. Когда этот каталог вышел (Inventory 2004), общее число оказалось равным 1035.

⁴⁹ Runciman 1991, 364; Raaflaub 2015, 37.

ное собрание, магистратов и Совет, — составлявшие систему, в широком смысле сопоставимую с системами греческих полисов»⁵⁰. Да, совершенно верно: здесь говорится именно о трех базовых компонентах, составлявших государственную власть в *любом* полисе (говорить ли о греческих или о римском), но просто в разных полисах и компоненты эти находились в неодинаковом соотношении, и сама их сущность (в частности, методы комплектации соответствующих органов) тоже различалась⁵¹. Но эти различия мы не отнесли бы к принципиальным.

Например, Муритсен пишет: «Внутренняя структура сената была строго иерархичной: его члены ранжировались в соответствии с теми магистратурами, которые они занимали, а внутри каждого магистратского класса — в соответствии со старшинством»⁵². Да и все прекрасно знают, что в римском сенате были сенаторы-квесторы, сенаторы-эдилы и т.д., вплоть до редко встречавшихся сенаторов-цензоров. Если мы возьмем для сравнения некоторые греческие аналогичные органы, никакой близкой параллели мы не найдем. В афинском Совете Пятисот все были равны. Меньше ясности с афинским же Советом Ареопага: он составлялся, как известно, из бывших архонтов, а архонты были разного ранга (выше всех стоял архонт-эпоним, затем шли архонт-басилей, архонт-полемарх и — самые низшие в этой коллегии — шесть архонтов-фесмофетов). Тем не менее не имеется никаких данных о том, что ареопагиты как-либо ранжировались согласно занимаемым ими ранее должностям; судя по всему, они тоже были равны между собой⁵³.

А если взглянуть за пределы Афин? Возьмем спартанскую герусию. В этом небольшом (составлявшемся из 30 человек, причем тоже на пожизненной основе, что опять же являет черту сходства с римским сенатом) органе имелись два ярко выраженных привилегированных члена. Это были, естественно, цари, представители правящих династий Агиадов и Еврипонтидов⁵⁴. В отличие от остальных 28 геронтов, которые не могли быть моложе 60 лет (собственно, «геронт» в переводе означает «старец»),

⁵⁰ Mouritsen 2015, 147.

⁵¹ Подробнее см.: Суриков 2012г, 39 слл.

⁵² Mouritsen 2015, 152.

⁵³ Ареопаг — с принятым в нем пожизненным членством — в целом, конечно, был в куда большей степени подобен римскому сенату, нежели Совет Пятисот, члены которого ежегодно сменялись. Если же говорить о функциональной стороне дела, то по сути сенат объединял в себе функции двух афинских Советов — Совета Пятисот (до реформ Клисфена — Совета Четырехсот) и Совета Ареопага. См. к этому: Суриков 2005а.

⁵⁴ «Выделенность» спартанских царей, их нарочитое неравенство остальным членам общины гомеев как будто просто-таки утрировались буквально во всех сферах жизни. См. яркую характеристику в книге: Georges 1994, 152 ff.

царь входил в состав герусии сразу, как только вступал на престол. Иными словами, в его лице мог появиться даже несовершеннолетний геронт⁵⁵. Далее, Геродот утверждает, что при голосовании в герусии каждый царь, в отличие от прочих геронтов, имел не один, а два голоса (*Herod. VI.57*); но, впрочем, Фукидид оспаривает это его суждение (*Thuc. I.20.3*)⁵⁶, а кто из них прав, мы теперь уже не можем судить⁵⁷.

Интересен также рассказ Страбона о Совете тимухов в Массалии (Массилии) — греческой колонии на юге Галлии, с которой, кстати сказать, римляне весьма рано установили дружественные и весьма конструктивные отношения⁵⁸. Этот орган (*Strab. IV.179*) состоял из 600 человек, но внутри него существовала коллегия из 15 человек, осуществлявшая высшую власть, а внутри этой последней, в свою очередь, выделялась еще коллегия из трех человек — верховных правителей. Обнаруживаем элементы иерархии, хотя и иначе институционализованные по сравнению с римским сенатом. Оговорим тут же, что Массалия у греков считалась одним из самых крайне-олигархических полисов.

Обратимся теперь к разделу «Право» в том же коллективном труде, посвященном сравнению греческой демократии (фактически — греческого полиса) с Римской республикой. «Греческая часть» этого раздела⁵⁹ написана Д. Коэном⁶⁰, автор «римской» — К. Уильямсон⁶¹.

Данный раздел, как нам показалось, относится к тем, в которых главы мало «стыкуются» друг с другом (хотя вообще-то при подготовке книги,

⁵⁵ Другое дело, что он был таковым чисто номинально. За несовершеннолетнего царя все публично-правовые действия совершал регент (он же и опекун, ἐπίτροπος), — как правило, ближайший взрослый родственник.

⁵⁶ См. об этом споре двух великих историков: Суриков 2011, 161 слл.

⁵⁷ К огромному сожалению, Ксенофонт, который знал спартанские реалии лучше Геродота и Фукидида, вместе взятых, не затрагивает этот вопрос в своей «Лакедемонской политике». Но, впрочем, в этом труде он согласен с Геродотом в том, что спартанские цари на сисситиях получали двойную порцию (*Xen. Lac. pol. 15.4*). А, стало быть, и информация «отца истории» о «двойном голосе» царей тоже может быть верной.

⁵⁸ Lomas 2004.

⁵⁹ Cohen D. 2015.

⁶⁰ Дэвид Коэн — автор весьма интересных исследований о древнегреческом праве. Поскольку он все-таки не столь известен, как упоминавшийся выше Питер Родс, его важнейшую работу стоит указать: Cohen D. 2000. Его не следует путать с Эдвардом Коэном — тоже специалистом по древнегреческому праву, но стоящим на совершенно иных позициях (нам не близких, в отличие от позиций Д. Коэна): Cohen E.E. 1997; 2000.

⁶¹ Williams 2015.

о которой идет речь, была организована солидарная работа парами: авторы «греческой» и «римской» глав каждого раздела еще на стадии рукописи обменивались материалами, согласовывали между собой мнения и т.п.).

В большинстве случаев это при чтении действительно чувствуется, но вот в разделе, посвященном правовой проблематике, – как-то не очень. Впрочем, может быть, подобная ситуация вызвана объективными обстоятельствами. Древнегреческое право, «право без юриспруденции»⁶², и правда ведь весьма трудно рассматривать в прямой корреляции с правом римским⁶³, сложившимся в рамках общества, в котором юриспруденция, впервые в мировой истории возникнув, достаточно быстро достигла высочайшего уровня.

Д. Коэн в своей главе говорит, собственно, именно о чем-то подобном: «В Афинах не было юристов или хотя бы отдаленного подобия юристов, а риторы подошли к ним ближе всего»⁶⁴. Впрочем, наверное, все-таки лучше начать анализ его работы с вводных фраз, в которых говорится о необходимости «различения официальных и неофициальных способов участия в управлении афинским полисом. Официальное участие определяется конституцией и законами афинской демократии. Хотя многие детали неясны, эволюция афинской демократии вплоть до превращения ее в систему «радикальной демократии» V–IV вв. до н.э. – это история постоянного расширения народного участия в ключевых областях законодательства, судебных приговоров, политических решений, отчетности магистратов и должностных лиц»⁶⁵.

Под неофициальным же участием автор понимает «попытки отдельных индивидов достичь большего влияния, чем то, которое давала им официальная система... Из-за того, что афинские институты были институтами прямой демократии, а также по причине того, что включение в большинство этих институтов было обусловлено случайным выбором (по жребию)⁶⁶, неофициальные средства являлись единственным путем к политическому лидерству, за исключением единственной важной госу-

⁶² Jones 1956, V.

⁶³ См. к этому еще: Суриков 2004, С. 7 слл.

⁶⁴ Cohen 2015, 168. В любом случае не стоит уподоблять афинских раторов римским юристам. У греч. ῥήτωρ в Риме, естественно, имеется аналог – orator. Но кто поставит знак равенства между оратором и юристом?

⁶⁵ Ibidem, 167.

⁶⁶ Это верно. См. интересную статью, в которой защищается принцип жеребьевки как наиболее демократический: Mulgan 1984. В более нейтральном контексте см. также: Kosmetatou 2013.

дарственной должности, которая не замещалась посредством жребия, — стратегов, командовавших афинскими вооруженными силами»⁶⁷.

Ниже в той же главе говорится, — тут автор уже переходит от политических институтов к государственному праву как таковому, — что в Афинах «возможность для каждого гражданина возбудить в массовом суде непрофессионалов (a mass lay court) уголовный процесс по вопросу о взяточничестве, должностном преступлении, измене, религиозном кощунстве, проституции, внесении незаконного предложения и т.п. была не только средством для массы граждан держать лидеров, полководцев или должностных лиц в состоянии подотчетности, но также и оружием, которые сами эти лица [т.е. политические лидеры. — И.С.] могли стремиться использовать, хотя и рискуя сами, против своих конкурентов»⁶⁸.

В Афинах, как отмечает Д. Коэн, каждый гражданин — потенциальный толкователь права; весь характер правового процесса в этом полисе (как, заметим, и в других греческих) характеризовался подчеркнутым непрофессионализмом, «любительством» (amateurism). «Это безграничное любительство в области законодательства и принятия решений было одной из тех принципиальных, демонстрирующих политическое участие черт, которые заставляли таких критиков, как Аристотель или Платон, отрицать, что афинская демократия достигла власти закона»⁶⁹. Законы в конечном счете принадлежали народу (демосу), а не наоборот; знаменитая идея «власти закона», сформировавшаяся в Афинах в IV в. до н.э.⁷⁰, фактически являлась некоей правовой фикцией⁷¹.

«Современная американская демократия, — продолжает Коэн, — построена на системе «сдержек и противовесов», в которой высшая судебная власть передается элитному органу [имеется в виду Верховный суд США. — И.С.], который, будучи однажды назначен, является неподотчетным перед народом или перед какой-либо иной ветвью власти... Такое учреждение совершенно несовместимо с самой природой афинской прямой демократии»⁷². Автор этих строк тем более согласен с только что процитированным суждением, что он является одним из главных сторон-

⁶⁷ Cohen 2015, 167.

⁶⁸ Ibidem, 168. В случае с институтом остракизма именно так оно и было, что мы ранее показали в работе: Суриков 2006а, 355.

⁶⁹ Cohen 2015, 169.

⁷⁰ На эту тему написано немало. Наиболее подробно см.: Ostwald 1986.

⁷¹ Cohen 2015, 170. Это верно. См. характерный пассаж: *Demosth.* XXI.224.

⁷² Cohen 2015, 170.

ников теории, согласно которой в Афинах гелиея – не отдельный орган, а, так сказать, судебная «ипостась» народного собрания, в то время как экклесия являлась иной «ипостасью» того же народного собрания⁷³.

Приведем еще несколько суждений Д. Коэна, в основе своей тоже глубоко верных: «Нежелание афинян препоручить область права какому-то учреждению, которое не было бы воплощением народа как такового, выбранным чисто случайным образом из числа граждан, породило систему с максимальным участием и максимальным непрофессионализмом, со всеми потенциальными проблемами, которые влечет за собой непрофессионализм (amateurism)»⁷⁴. «Судьи⁷⁵ не были знатоками права, да у них и не было ни времени, ни возможности, ни способностей изучить право. Они, возможно, ничего не понимали в тех правовых вопросах, которые ставились перед судом, или в тех узаконениях⁷⁶, которые существовали в данной сфере. И у них не было возможности посоветоваться со специалистами»⁷⁷. «Решение оставить дела в таком состоянии – не результат «невежества» или такого положения Афин на некой воображаемой шкале «правовой эволюции», на котором идеи профессионализма еще не были в ходу, а скорее выбор, определенный природой правления, для которого главным было политическое участие (participatory governance) и которое было предметом их гордости»⁷⁸.

Именно поэтому, считает Коэн, известная афинская коллегия Одиннадцати⁷⁹, занимавшаяся поимкой преступников и приведением в исполнение приговоров, так и не развилась в некое подобие «следственного комитета»⁸⁰. Таким образом, как можно видеть, исследователь в своей работе касается и некоторых частных вопросов. «Итак, мы видим на примере всего спектра правовых и судебных функций, что афинская система действовала для того, чтобы максимизировать прямое участие гражд-

⁷³ Из наших последних работ на эту тему см.: Суриков 2008; 2012а.

⁷⁴ Cohen 2015, 170.

⁷⁵ Дикасты в афинских дикастериях – коллегиях гелиеи. Их в историографии обычно принято называть «присяжными», но это не вполне верно. Афинские дикасты были и присяжными (англ. jurors), и судьями (англ. judges), т.е. они не только принимали решение «виновен – невиновен», но и выносили конкретный приговор с мерой наказания и т.п.

⁷⁶ Полагаем, в тексте опечатка (стоит бессмысленное statues, т.е. «статуи», должно быть statutes).

⁷⁷ Cohen 2015, 171.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ О ней см.: Burgess 2005.

⁸⁰ Cohen 2015, 172.

дан⁸¹, — пишет он. — Гражданство, в отличие от современных демократий, было не только равным для всех правом голосовать, но, скорее, правом участвовать в управлении (right to govern)⁸².

Завершает автор свою главу также вполне справедливыми словами: «По причине своего непрофессионального характера, основанного на всеобщем участии, афинское право, особенно по сравнению с римским, внесло малый вклад в юриспруденцию или в западную традицию субстантивного права⁸³. А с точки зрения правовой теории и правовой философии ситуация является, конечно, совершенно иной, но это потому, что Платон и Аристотель занимались исследованием права и политики в своем собственном кругу, вдали от шумного агонального мира непрофессиональных судов и народного собрания»⁸⁴.

Что же касается К. Уильямсон, то она в аналогичной главе, но по римской правовой тематике практически сразу замечает: «Центральным фактом для... развития права и правовых процедур было территориальное расширение Рима и рост численности римского гражданского населения, а в равной мере — постепенное расселение римлян по всей Италии»⁸⁵. Но особенно важны завершающие строки ее работы, поскольку они специально посвящены сопоставлению греков и римлян с точки зрения правовой сферы, поэтому имеет смысл процитировать их полностью⁸⁶:

«Республиканский Рим с его народными собраниями, сенатом и магистратами по внешней видимости представляет собой управленческую структуру, сходную с теми, что имели место в Афинах и иных греческих сообществах участников [т.е. полисах. — И.С.] в V–IV вв. до н.э. Подобным же образом римская правовая система, как и греческая, была укоренена в управленческой структуре. Но стоит копнуть глубже — и сходство исчезает. В Риме было несколько типов народных собраний. Магистраты избирались голосованием, а не жребием⁸⁷. Римский народ не участвовал

⁸¹ Cohen 2015, 174.

⁸² Ibidem, 176.

⁸³ О различии между субстантивным и процедурным правом (на греческом материале) см.: Gagariņ 1986, *passim*. Как раз процедурное, или процессуальное, право в греческих полисах было весьма детализированным.

⁸⁴ Cohen 2015, 177.

⁸⁵ Williamson 2015, 179.

⁸⁶ Ibidem, 191.

⁸⁷ Для сопоставительного анализа греческой и римской систем голосований и выборов и поныне остается основополагающей книга (хотя и отнюдь не лишенная недостатков): Staveley 1972.

напрямую в формулировке политических решений или законов на каком-либо публичном форуме. Копнем еще глубже — на уровень, связанный с правом, — и различия между Римом и Афинами станут особенно глубокими. Римская правовая система, как и греческая, сложилась одновременно как продукт и как фактор развития участия граждан в общественной жизни в Риме. Несмотря на обусловленное социальным положением различие в степени участия при издании и претворении в жизнь законов, римские граждане на всех уровнях вносили весьма реальный вклад в развитие права и правовых процедур, требовавшихся для стабильности общины. И правда, адаптируемость римской правовой системы к огромным изменениям в римском обществе в течение рассматриваемого периода — это уже немалый показатель ее успеха. В целом римская система представляется гораздо более динамичной, чем греческая, как в ее действии, так и в ее развитии на протяжении эпохи Республики. С другой стороны, самым «сердцем» римского права и правовых процедур в республиканский период было относящееся к V в. до н.э. составление законов, написанных на двенадцати стелах, — «Законов XII Таблиц». Эти «XII Таблиц», составленные, согласно римской традиции, по модели греческих сводов законов, а конкретно — афинского свода Солона VI в. до н.э., являются, вне сомнения, продуктом того же самого импульса социальной и политической креативности, который был характерен и для раннего развития греческих городов-государств. Однако в Риме «XII Таблиц» занимали центральное место гораздо дольше, чем греческие своды законов, играя ключевую роль в эволюции права и правовых процедур в течение всего 465-летнего периода Республики, на протяжении которого римляне выросли от маленького города-государства до мировой империи».

Честно говоря, нам оказался не очень понятным пафос, звучащий в начале только что приведенной цитаты в связи с резкими различиями между греческими и римскими реалиями. Где-то ближе к концу процитированного пассажа становится ясным, что не такими-то уж и резкими эти различия видятся автору. И все-таки принципиальные различия были. О них-то и пойдет речь далее.

Наверное, во всех вопросах, которые касаются истории Древней Греции, афиноцентризма не избежать. Не ушли от него и авторы того обобщающего компаративного труда, который только что рассматривался. В нем сплошь и рядом определение «афинский» употребляется как синоним к «древнегреческий».

Типологически это неверно (Афины не были *типичным* древнегреческим полисом ни в каком отношении), однако и понять причины складывающейся аберрации (а тем самым отчасти оправдать ее) тоже можно.

Классическую афинскую демократию, конечно, нельзя охарактеризовать как некий *τέλος* полиса, его, так сказать, завершающую и обязательную стадию⁸⁸; тем не менее она являла собой в известной степени один из «идеальных полюсов» эллинского полисного мира. Другим «полюсом» была, естественно, Спарта. А в диапазоне между ними наличествовали многочисленные промежуточные варианты (демократические и, весьма часто, тиранические Сиракузы; почти постоянно олигархический Коринф). В целом следует отметить, что, вопреки расхожему мнению, демократические полисы не преобладали в Греции. Во всяком случае, если говорить о радикальных демократиях, как те же Афины или Сиракузы. В большинстве были олигархии или же такие политические системы (находящиеся где-то на стыке между умеренной олигархией и умеренной демократией), которые часто обозначают как «гоплитские политии», поскольку в их рамках полными гражданскими правами обладали только те лица, которые могли за свой счет приобрести паноплию.

Но, как бы то ни было (это уже отмечалось выше со ссылкой на констатацию У. Рансимена), самая крайняя греческая олигархия была более демократичной, менее элитарной по сравнению с политическим устройством республиканского Рима.

Несколько принципиальных, притом взаимосвязанных различий между греческими и римской политиями просто-таки бросаются в глаза. Здесь мы их в какой-то мере обобщим на основе разбиравшейся ранее конкретики, дабы в дальнейшем опять перейти «от абстрактного к конкретному».

Итак, во-первых, противопоставляется эгалитаризм греков иерархизму римлян. Во-вторых, в той же степени противопоставляется греческая «эксклюзивность» при принятии новых граждан (спартанцы, наиболее типичные в данном отношении, случалось, веками не допускали в свой гражданский коллектив «чужаков») римской «инклюзивности».

Собственно, именно отношение к правам гражданства⁸⁹ должно стать «точкой отсчета» при сравнительном анализе конкретных институтов древнегреческого и римского государственного права. Сразу оговорим, что греческий материал нами берется из доэллинистической, или полисной, эпохи. Только это позволяет получить максимально четкую картину для

⁸⁸ Eder 1995, 16.

⁸⁹ О гражданстве и правах гражданства на греческом полисном материале см.: Wood 1988; Manville 1990; Raaflaub 1997; Ostwald 2004; Carter 2004; Patterson 2005; Farenga 2006; Fisher 2006; Lintott 2009; Rhodes 2009; Wohl 2009; Lape 2010; Blok 2013; Coşkun 2014. Как можно видеть, эта тема ныне является весьма востребованной в западной литературе (особенно англоязычной). Об отношениях граждан с негражданским населением (метэками) см., например: Adak 2003.

сопоставления, ибо в период эллинизма наблюдается «греко-варварский синтез»⁹⁰, т. е., по сути, вторжение в менталитет, в том числе и правовой, ближневосточных начал, вообще не входящих в прямое соприкосновение с античными. Соответственно, и применительно к Риму сопоставительный материал нужно брать из республиканского периода: для эпохи Империи, хотя ряд полисных начал сохранялся еще и тогда, все-таки в целом характерны иные тенденции.

Начнем с констатации очевидного факта: греческие полисы и римская *civitas* времен Республики типологически являют собой структуры аналогичного плана⁹¹, в том числе и с точки зрения государственного права. Для простоты лучше пользоваться в отношении и греческих, и римской политий термином «полис». Далее, полисное государственное устройство традиционно включало в себя три основных компонента. Таковыми являлись народное собрание, Совет (постоянно функционировавший орган, необходимый именно в связи с тем, что народное собрание функционировать постоянно не могло физически), коллегии должностных лиц (магистратов). Иногда в качестве особого, отдельного компонента выделяют еще судебные органы, но это, думается нам, неверно. Представления о разделении «ветвей власти», одной из которых является судебная, в античности еще не существовало; оно было выработано значительно позже, в XVIII в., французским просветителем Ш. Монтескье на основе политико-правовых реалий и практик, характерных для Европы Нового времени. В Афинах главный судебный орган — гелия вообще не имел, как мы пытались показать в другом месте⁹², четкого отграничения от народного собрания; в Риме судом ведали преторы, которые по определению были магистратами (а о магистратах выше уже говорилось).

Итак, три вышеназванных основных компонента и подлежат сравнению. Естественно, автор этих строк, являясь специалистом по античной Греции, и сведения (в том числе ссылки на литературу) будет приводить главным образом из ее истории (в первую очередь из истории Афин, что неизбежно). Исходим, в числе прочего, и из того, что романисты — а таковыми в подавляющем большинстве являются читатели журнала «Древнее право» — легко припомнят соответствующие римские параллели (впрочем, чаще приходится говорить не о параллелях, а о контрастах).

⁹⁰ Габелко 2009.

⁹¹ См. книгу, где эти структуры и были рассмотрены в сравнении: Дементьева, Суриков 2010.

⁹² Суриков 2004; 2008.

* * *

Начнем с института народного собрания⁹³. В данной сфере различия чрезвычайно рельефны. В греческих полисах этот, ключевой для всей системы государственного управления, орган, был, как правило, абсолютно эгалитарным. В нем действовало правило «один человек — один голос», т.е. при голосовании все были равны между собой; а само голосование было прямым, чаще открытым (в достаточно редких случаях — тайным) и всегда, так сказать, одноступенчатым.

Черты различия между отдельными полисами тоже, естественно, наличествовали. В более демократических эллинских государствах (прежде всего в Афинах) допускались и даже поощрялись активные дебаты при обсуждении всех стоящих на повестке вопросов: любой желающий мог взять слово, выйти на трибуну и говорить pro или contra предложенного проекта, стараясь убедить или разубедить сограждан⁹⁴. В более тоталитарной Спарте дебаты не были разрешены: гражданам, пришедшим в апеллу (название спартанского народного собрания), оглашался проект постановления, после чего они должны были просто голосовать.

Последняя черта несет в себе определенное сходство с римскими комициями, также не предусматривавшими дебатов. Но на этом, собственно, сходство и заканчивается. В римских народных собраниях наблюдался уж точно не эгалитаризм, а, напротив, иерархизм. Во-первых, комиции, как всем известно, были нескольких различных типов, слабо коррелировавших между собой: выделяют комиции — если идти, так сказать, в обратном порядке с точки зрения времени их появления — трибутные, центуриатные, куриатные (иногда в отдельную категорию относят даже и калатные). Причем они разнились именно по составу участников. Ничего даже отдаленно похожего в греческих полисах не наблюдается. Уж если в Спарте была апелла, то она всегда была апеллой, предполагающей присутствие всех спартиатов (другой вопрос, что, само собой, нигде и никогда в народное собрание не являлись *все без исключения* граждане: у кого-то имелись уважительные причины, кто-то был абсентеистом по природе...). Аналогичным образом обстояли дела и в Афинах. Там, правда, существовало такое понятие, как ἐκκλησία κυρία, т.е. как бы главное заседание эккле-

⁹³ Об афинском народном собрании написано много. Но наибольший вклад в его изучение внес, безусловно, М. Хансен. См. его главные работы на эту тему: Hansen 1983; 1987; 1989; 2010.

⁹⁴ См. в связи с классическим примером — дебатами в экклесии по вопросу о том, как поступить с восставшей и покоренной Митиленой (427 г. до н.э.): Wassermann 1956; Debnar 2000; Schmitz 2010; Harris 2013. Другой интересный пример — дебаты 425 г. до н.э. в связи с пилосской кампанией: Flower 1992.

сии⁹⁵ в течение данной притании (афинский гражданский год делился на 10 пританий — отрезков несколько больше лунного месяца), на котором решались наиболее важные вопросы. Созывались порой и экстраординарные собрания⁹⁶. Но состав участников всегда был одинаков.

Во-вторых, если взять центуриатные комиции, роль которых была особенно велика, равенство граждан в них отсутствовало. Реформу Сервия Туллия, повлекшую введение цензовых классов, часто сравнивают с соответствующей реформой Солона. Однако же солоновские классы не оказывали какого-либо серьезного влияния на политическую жизнь уже в классическую эпоху истории Афин⁹⁷, а сервиевские классы на римскую историю — очень даже оказывали: ведь центуриатные комиции потому и были центуриатными, что созывались по центуриям, а политические центурии с заложенным в них неравенством — прямое порождение реформы предпоследнего римского царя. Наконец, в-третьих, напрямую связана с этими неравенством и иерархичностью двухступенчатая система выборов в центуриатных комициях. Заметим еще, что в последних голосовали путем подачи бюллетеней в урны: это практика для греков очень редкая, хотя и не то чтобы совсем неизвестная⁹⁸.

Перейдем теперь к такому органу, как Совет. На этой почве контраст между двумя государственно-правовыми системами — греческой и римской — наиболее рельефен, особенно если брать в качестве иллюстрации древнегреческого материала афинские реалии. В Афинах классической эпохи, как известно, существовали два Совета — Совет Пятисот⁹⁹ (преобразован реформами Клисфена из Совета Четырехсот, функционировавшего в 594—508 гг. до н.э.) и более древний Совет Ареопага¹⁰⁰. Первый выполнял пробулевтическую функцию, второй — контрольную¹⁰¹ (а также оба имели определенные судебные полномочия).

⁹⁵ Об этом институте см.: Errington 1994.

⁹⁶ Все эти вопросы детально освещены в работах М. Хансена, ссылки на которые были даны выше.

⁹⁷ Schmitz 1995.

⁹⁸ См. в данной связи интересную статью: Gauthier 1990.

⁹⁹ Лучшим и поныне не превзойденным трудом об афинском Совете Пятисот остается классическое исследование: Rhodes 1972.

¹⁰⁰ Ареопагу в последние десятилетия был посвящен целый ряд интересных работ. Укажем только монографические исследования: Wallace 1989; Bruyn 1995; Braun 1998.

¹⁰¹ О соотношении этих двух органов (правда, на более ранней стадии их истории, но и впоследствии ничего принципиально не изменилось) см.: Суриков 2005а.

Ареопаг в каком-то отношении способен напомнить римский сенат: он комплектовался на пожизненной основе из всех лиц, отбывших годичную архонтскую магистратуру. Но данный институт по большей части играл не очень значительную роль в афинском государственном устройстве; его значение ненадолго возрастало лишь несколько раз (в 480-х – 470-х гг. до н.э., в 330-х гг. до н.э.) и всегда в связи с совершенно конкретной причиной: требовалось «подключение» опытных государственных мужей, какими были ареопагиты. В основном же Ареопаг находился скорее *ad marginem* – именно в силу «врожденного» эгалитаризма греков.

Гораздо более важное место в политической системе Афин занимал Совет Пятисот, а вот он с сенатом ни в малейшей мере не схож. Это был чрезвычайно эгалитарный орган абсолютно во всех отношениях. Избирались его члены по жребию; от каждой из 10 созданных Клисфеном территориальных фил в Совет включалось по 50 человек. При выборах социальный статус потенциального булевта (в частности, знатность) не имел ровно никакого значения; все граждане в этом плане были равны, имелся только возрастной ценз (30 лет). Далее, в отличие от сената, который был постоянен по составу, Совет Пятисот являлся органом, постоянно ротирующимся. Должность булевта была годичной, причем ее дозволялось занять не более двух раз в жизни¹⁰². Из сказанного следует, что каждый следующий гражданский год¹⁰³ начинался при практически абсолютно новом составе Совета.

Целью подобной практики, несомненно, можно назвать стремление обеспечить максимальное политическое участие для как можно большего количества членов гражданского коллектива. В идеале – для всех. Правда, не существовало каких-либо механизмов насильственного принуждения граждан к вхождению в Совет, и на институциональном уровне это оставалось делом чисто добровольным. Однако существует ведь еще и уровень общественного мнения, а этим последним абсентеизм в высшей степени не поощрялся. Известно, что даже Сократ, хоть он всегда чуждался практической политики, побывал-таки булевтом.

Далее, если внутренняя структура римского сената, как уже отмечалось выше, была строго иерархичной, причем место каждого конкрет-

¹⁰² О Совете Пятисот, равно как и о прочих институтах афинского и древнегреческого в целом государственного права, более подробные сведения можно почерпнуть из знаменитого компендиума, впервые изданного более века назад, однако и поныне не устаревшего, остающегося полезным: Латышев 1997 (ссылаемся на относительно недавнее переиздание, поскольку оно, естественно, более доступно, нежели дореволюционный оригинал).

¹⁰³ О гражданском календаре в Афинах, о его отличиях от астрономического и сакрального см.: Samuel 1972, 57 ff. Главным отличием было то, что гражданский год делился не на месяцы, а на притании.

ного сенатора в этой иерархии привязывалось к наивысшей занимаемой им ранее магистратуре, то в афинском Совете Пятисот ничего подобного не было. Единственными членами этого органа, как-то выделенными по сравнению с остальными, являлись пританы — 50 дежурных булевтов. У них имелось больше полномочий; в частности, именно они председательствовали на заседаниях как самого Совета, так и народного собрания. Однако пританы, само собой, тоже ротировались, и в течение года любому булевту доводилось побывать пританом.

По сравнению с афинским Советом в большей степени напоминает римский сенат спартанская герусия (об этом тоже уже говорилось ранее). Статус геронта был пожизненным, как и статус сенатора. Однако геронты все-таки избирались прямым народным голосованием; в Риме применительно к сенаторам того же сказать нельзя. Практически не было в среде геронтов и иерархичности (если не считать вышеупомянутое вхождение в данный орган двух царей, положение которых было совершенно особым).

Обратимся теперь к сравнительному анализу магистратур в римской *civitas* и эллинских полисах. Здесь тоже глубоких, существенных различий долго искать не приходится — они просто-таки бросаются в глаза.

Насколько можно судить, нигде в Греции не зафиксировано ничего хотя бы отдаленно схожего с римской магистратской карьерой, *cursum honorum*. Этот последний феномен тоже, разумеется, порождение иерархичного сознания, присущего римлянам. Каждый из них прекрасно знал и понимал, что, например, должность эдила выше должности квестора, а должность консула выше должности претора. В соответствующем порядке эти должности и занимались.

А если, скажем, спросить афинянина классической эпохи, кто выше — архонт или стратег, он, право же, затруднился бы с ответом. Соответственно, никакого порядка последовательности занятия этих (и иных) магистратур не существовало. Номинально архонты были старше. Они, кстати, были старше и в плане появления соответствующих магистратских коллегий. Коллегия стратегов¹⁰⁴ была введена в 500-х гг. до н.э. Клисфеном, а годичный архонтат существовал уже с 680-х гг. до н.э.¹⁰⁵, причем до этого на протяжении нескольких десятилетий существовал 10-летний архонтат, а еще раньше — пожизненный¹⁰⁶. Далее, еще в 490 г. до н.э., в годовину Марафонской битвы, архонт-полемарх (третий архонт) официально являлся

¹⁰⁴ О ней см.: Fornara 1971; Hamel 1998.

¹⁰⁵ Cadoux 1948.

¹⁰⁶ К эволюции института архонтата см.: Суриков 2012б.

главнокомандующим, которому должны были подчиняться стратеги, хотя *de facto* они уже не делали этого (ср. *Herod.* VI.109).

Тем не менее в источниках содержатся сведения о случаях, когда тот или иной гражданин был архонтом, а уже после этого – стратегом. Это можно сказать, например, об Аристиде «Справедливым»¹⁰⁷. Тут даже случай еще более сложный: в 490/489 г. до н.э. Аристид – стратег, в 498/488 г. до н.э. он является архонтом-эпонимом (первым архонтом), а затем вновь неоднократно занимает пост стратега¹⁰⁸. Знаменитый Фемистокл, архонт-эпоним 493/492 г. до н.э., тоже впоследствии много раз был стратегом (архонтом можно было стать лишь один раз в жизни, а стратегом – неограниченное количество, Фокион в IV в. до н.э. становился стратегом чуть ли не 50 раз). Свою знаменитую морскую реформу, радикализировавшую афинский политический строй, он провел, будучи именно стратегом, и Саламинское сражение, ставшее переломным пунктом в Греко-персидских войнах, он выиграл, также будучи стратегом, а отнюдь не архонтом.

Признаемся, трудно представить, чтобы в Риме тот или иной политик занял, допустим, пост претора, затем пост консула, а впоследствии... вновь пост претора. Этого никто не понял бы, движение «по нисходящей» было, во всяком случае, не вполне обычным и встречалось весьма редко. А в Афинах вполне в порядке вещей были даже и более экзотичные коллизии. Анит, больше всего известный как обвинитель Сократа на известном процессе 399 г. до н.э., ранее, в ходе Пелопоннесской войны, занимал (и, возможно, не раз) должность стратега. А в 388/387 г. до н.э. мы встречаем его на посту ситофилака. Можно еще спорить о сравнительном «старшинстве» архонтов или стратегов, но каждому ясно, что ситофилак (хлебный смотритель) – магистратура заведомо более низкая, чем обе вышеупомянутые.

В Спарте был даже и такой случай: свергнутый с престола царь (!) Демарат (из династии Еврипонтидов) занимал после своего низложения какую-то должность (*Herod.* VI.67). Какую именно, Геродот не говорит, да дело и не в этом: главное, что эта новая должность должна была быть по определению более низкой, нежели царский сан. Потом, правда, Демарат бежал из Спарты и в конечном счете оказался при дворе Ксеркса; но сделал он это по другой причине – из-за насмешек и издевательств Леотихида, его преемника на еврипонтидском престоле.

Есть еще ряд моментов, которых необходимо коснуться в ходе сравнительного анализа древнегреческих и римских магистратур. В отличие от

¹⁰⁷ В целом об этой колоритной личности и ее карьере см.: Суриков 2006в.

¹⁰⁸ Данные по Аристиду и другим афинским политикам, на которых мы основываемся, см. в чрезвычайно важном исследовании: Develin 2003.

Рима¹⁰⁹, в эллинских полисах весьма распространенным явлением были магистраты (и целые коллегии магистратов), вступающие в свои должности в силу избрания не голосованием, а жребием. В демократических Афинах таковые даже решительно преобладали. В сущности, афиняне избирали голосованием (причем обязательно открытым – хиротонией, простым поднятием рук) лишь только военных магистратов. Аристотель перечисляет их: это стратеги, таксиархи, гиппархи, филархи (*Arist. Ath. pol.* 61). Даже архонты с 487 г. до н.э. избирались по жребию (правда, из списка предварительно отобранных в филах лиц – κλήρωσις ἐκ προκρίτων).

Афинские магистраты между избранием и вступлением в должность обязательно проходили процедуру докимасии – некой официальной проверки на пригодность кандидата, на соответствие его тому посту, который он намеревался занять¹¹⁰. В ходе докимасии, к слову сказать, выяснялась отнюдь не компетентность будущего магистрата в той сфере, а его, так сказать, общегражданские качества: чистокровного ли он происхождения, почитает ли родителей и т.п. Но здесь для нас это не столь важно¹¹¹.

Завершая же свой годичный срок пребывания у власти, магистрат обязательно должен был пройти так называемые евтины, т.е., иными словами, дать демосу полный и подробный отчет в своей деятельности (особое внимание обращалось на правильность расходования выдававшихся магистрату государственных средств).

И докимасия, и евтины проводились в разных случаях различными органами. Этими делами чаще всего занимались дикастерии, но они могли заслушиваться и Советом Пятисот, и самим народным собранием. Можно ли представить в Римской республике отчеты магистратов (в том числе магистратов самого высокого ранга) перед народом? Лишь в значительно более редких и, в общем, не отличавшихся регулярностью случаях¹¹².

¹⁰⁹ Л.Л. Кофанов указывает нам, что данное противопоставление не имеет абсолютного характера, поскольку в республиканском Риме тоже активно использовалась жеребьевка, в частности при распределении провинций между магистратами (консулами и преторами), при выборах судей (например, в рекуператорском суде). См. об этом: Сморчков 2012 (с рецензией: Кофанов 2013), а также: Ehrenberg 1927.

¹¹⁰ В связи с докимасией, а также евтинами (о которых пойдет речь чуть ниже) см.: Кудрявцева 2008, 332 слл.

¹¹¹ Как указывает нам Л.Л. Кофанов, в чем-то похожий институт имелся и у римлян, когда лицо, уже избранное магистратом, но еще не вступившее в должность, подвергалось обвинениям и могло лишиться магистратуры (см. речь Цицерона «В защиту Мурены»).

¹¹² Как указывает нам Л.Л. Кофанов, об ответственности римских магистратов перед народом начиная с Полибия (VI.15.10: «Консулы обязаны при сложении должности отдавать отчет в своих действиях перед народом») писали и пишут многие. См., например: Кофанов 2006, 441–456 (со ссылками на предшествующую литературу).

Иное входило бы в полное противоречие с понятием о *dignitas*, столь распространенным в Риме¹¹³.

Резюмируя данный раздел нашей статьи, пожалуй, можно было бы сказать так: в Греции (особенно если брать демократические полисы, те же Афины V–IV вв. до н.э.) народ властвовал над магистратами, был их господином. Державному демосу ничего не стоило «опустить» Перикла с положения безусловного лидера государства на положение всеми презираемого парии (а потом вернуть его вновь на положение лидера государства, но уже слишком поздно – Перикл был тяжело болен и вскоре после нового избрания на пост стратега скончался). Возможно ли было что-то подобное в республиканском Риме? Не думаем. Было дело, пытались аналогичным образом «опустить» Сципиона Старшего – не удалось. В римских условиях все-таки в целом магистраты стояли выше народа, а не *vice versa*. В этом социуме наблюдалось огромное уважение к государственным должностным лицам, в то время как в эллинском к ним было скорее подозрительное отношение. Повторим, очень остроумно заметил в свое время У. Рансимен, что греки изобрели остракизм, а римляне – триумф. И этим, полагаем, все сказано.

Необходимо остановиться (хотя бы чрезвычайно кратко) в сравнительном «греко-римском» аспекте также на таком вопросе, имеющем прямое отношение к государственному праву, как соотношение граждан и неграждан. В данной сфере при сопоставлении обнаруживается, в общем-то, именно то, что и должно было обнаружиться: римский иерархизм коррелирует с инклюзивностью в плане принятия новых граждан, а греческий эгалитаризм – с эксклюзивностью.

Ярким примером предстанет здесь Спарта, власти которой на протяжении нескольких веков принципиально противились принятию новых граждан. Допущено было чуть ли не единственное исключение (в начале V в. до н.э.): в состав спартанского гражданского коллектива были включены жрец-прорицатель Тисамен из Элиды (в котором спартанцы были чрезвычайно заинтересованы) и его брат Гегий (*Herod.* IX.33).

Да и более демократичные афиняне в данном отношении не очень отличались от «тоталитарных» спартанцев. Возьмем хотя бы такую категорию жителей Аттики, как метэки (прибывшие на постоянное место жительства выходцы из иных полисов)¹¹⁴. Метэк мог жить в афинском полисе десятки лет, честно трудиться на благо государства, которое стало

¹¹³ О категории *dignitas* см. теперь: De Filippi 2009. В целом в связи с данной коллизией между римским и греческим восприятием власти см.: Суриков 2010в.

¹¹⁴ См. последние монографические исследования о метэках: Adak 2003; Mansouri 2011.

его «новой родиной», и все-таки не становился гражданином; более того, его дети, родившиеся уже в Афинах, могли ровно с тем же успехом (или, скорее, без оногo) десятки лет жить в полисе и при всем при том им гражданство отнюдь не «светило». Решения о принятии тех или иных метэков в состав гражданского коллектива все-таки время от времени принимались, но такое случалось редко, а главное, в чисто персональном порядке, как награда за личные заслуги, и ни одно из подобных решений ни в каком отношении не получило статус прецедента.

Здесь опять перед нами полный контраст с тем, что было принято у римлян, которые искони включали в состав своей *civitas* новых граждан и в немалом количестве (собственно, именно так и рос Рим). Происходило в том числе и распространение гражданских прав на все более обширные территории. Завершился этот процесс известным эдиктом Каракаллы, по которому почти все жители Римской империи получили права гражданства; но данный феноменальный акт находится все-таки за пределами хронологических рамок нашей работы, поэтому здесь уместнее будет сослаться на результаты Союзнической войны 80-х гг. до н.э., по итогам которой союзники-италийцы стали римскими гражданами.

У тех же Афин была своя Союзническая война (359–357 гг. до н.э.), но она завершилась совершенно иначе — фактическим распадом Второго Афинского морского союза. Тогдашним союзникам афинян даже и в голову не пришло бы выдвигать им такое требование, как симполия (уравнение в правах гражданства). Им легче было просто отделиться и оставаться гражданами своих независимых полисов.

Кстати, обратим внимание вот еще на что. Римский вольноотпущенник (либертин) становился гражданином, правда, еще не вполне полноправным, но уже его сын обретал все права *civis Romanus*. Афинский вольноотпущенник становился метэком и не более того. Известны (единичные) случаи, когда такой бывший раб обретал в конечном счете и гражданский статус (самый характерный пример — богатейший трапезит Пасион¹¹⁵), но подобное опять-таки случалось в чисто персональном порядке, не создающем прецедента.

Соответственно, у афинян (равно как и у любых иных эллинов) совершенно не шел процесс расширения гражданских прав на жителей иных, новых территорий. Пожалуй, можно-таки назвать одно исключение. Имеем в виду афинскую практику выведения клерухий¹¹⁶, зародившуюся в кон-

¹¹⁵ До сих пор не утратил своего значения и с интересом читается очерк о Пасионе в старой книге: Гиро 1904, 67–75 (репринт издания 1913–1914 гг.).

¹¹⁶ О клерухиях см.: Яйленко 1982. Не можем не отметить, что указанной работе присущи серьезные недостатки.

це VI в. до н.э. (т.е., в сущности, являющуюся ровесницей самой афинской демократии, тоже, судя по всему, введенную Клисфеном¹¹⁷) и существовавшую на протяжении V–IV вв. до н.э.

Клерухии выводились на территории союзников Афин по Архэ (а позже — по Второму морскому союзу), в основном в бассейне Эгейского моря, но случалось, что и дальше (Перикл в 430-х гг. до н.э. основал клерухию в далекой понтийской Синопе). Афинянин-клерух не переставал быть афинским гражданином, а просто получал надел на землях, отторгнутых у другого полиса. В сущности, неясно даже, был ли он обязан отправиться на новое место жительства. Похоже, что нет (в отличие от колониста в традиционном смысле), и некоторые клерухи продолжали себе спокойно жить в Аттике, а с выделенных им «заморских» клеров просто получали доходы, например, сдавая их в аренду и т.п.¹¹⁸

На самом деле в рамках такого рода обобщающей статьи нелишним было бы затронуть в компаративном аспекте и ряд других вопросов: например, подразделения гражданского коллектива в греческих полисах и в Риме (тут очень даже есть, что сравнивать, как в плане сходства, так и в плане различий) или межгосударственное право у греков и у римлян.

Однако данная статья уже и так разрослась, превысив по объему два авторских листа. Остается только одно: завершить ее, а к обозначенным в предыдущем абзаце вопросам вернуться в дальнейшем в новой работе, которая станет, таким образом, продолжением этой.

Подводя же итог, можем сказать следующее: надеемся, из проведенного исследования читателю стало ясно, что все основные «контрасты» между эллинским и римским государственным правом, ставшие предметом данного исследования, коренятся в некоей исходной «неконгруэнтности» двух систем, порожденной, как мы считаем, прежде всего разницей в менталитете. Эгалитаризму греков противостоит иерархизм римлян, а «эксклюзивности» греческих полисов — «инклюзивность» римского. Две названные черты для обоих сравниваемых социумов тесно, неразрывно связаны друг с другом.

¹¹⁷ Клисфену, подлинному «отцу» афинской демократии (Raaflaub, Ober, Wallace 2007, 83 ff.), как-то не повезло ни в античной нарративной традиции (о нем очень мало известно), ни в современной историографии: ему, кажется, посвящено лишь одно монографическое исследование, да и то довольно давнее (Lévêque, Vidal-Naquet 1964), в то время как число монографий о Солоне, наверное, приближается уже к трем десяткам.

¹¹⁸ См. в связи с этим вопросом: Hampl 1939; Gschnitzer 1958.

Литература

1. *Бенвенист Э.* 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов. М.
2. *Габелко О.Л.* 2009: Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / Под ред. О.Л. Габелко. Казань, 171–181.
3. *Гиро П.* 1904: Частная и общественная жизнь греков. М.
4. *Дементьева В.В., Суриков И.Е.* 2010: Античная гражданская община: греческий полис и римская *civitas*: Учебное пособие. Ярославль.
5. *Кофанов Л.Л.* 2002: Юридикто-религиозный характер римской *fides* в V–III вв. до н.э.: к интерпретации Полибия (VI. 56. 6–15) // ДП. 10, 63–72.
6. *Кофанов Л.Л.* 2006: *Lex* и *ius*: Возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.
7. *Кофанов Л.Л.* 2013: Рецензия на: Сморгчов 2012 // ВДИ. 2, 204–210.
8. *Кудрявцева Т.В.* 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
9. *Латышев В.В.* 1997: Очерк греческих древностей: Государственные и военные древности. СПб.
10. *Сморчков А.М.* 2012: Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.
11. *Суриков И.Е.* 1995: Афинский ареопаг в первой половине V века до н.э. // ВДИ. 1, 23–40.
12. *Суриков И.Е.* 1997: Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире: Доклады конференций / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 89–99.
13. *Суриков И.Е.* 2000: Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход) / Под ред. К.В. Хвостовой. М., 273–288.
14. *Суриков И.Е.* 2004: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
15. *Суриков И.Е.* 2005а: ΒΟΥΛΑΙ в Афинах (Эпоха архаики) // *Studia historica*. 5, 3–22.
16. *Суриков И.Е.* 2005б: Некоторые проблемы истории афинской гелиеи // ДП. 2 (16), 8–20.
17. *Суриков И.Е.* 2006а: Остракизм в Афинах. М.
18. *Суриков И.Е.* 2006б: Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание простран-

- ства в античной и средневековой литературе / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 181–186.
19. Суриков И.Е. 2006в: Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 1, 18–47.
 20. Суриков И.Е. 2008: Еще раз об афинской гелиее // ДП. 2 (22), 8–24.
 21. Суриков И.Е. 2010а: Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 9, 27–54.
 22. Суриков И.Е. 2010б: Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций / Под ред. В.В. Лементьевой, И.Е. Сурикова. М., 8–54.
 23. Суриков И.Е. 2010в: Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // Из истории античного общества. 13, 37–60.
 24. Суриков И.Е. 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.
 25. Суриков И.Е. 2012а: Как назывался высший орган власти в демократическом афинском полисе? // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование / Под ред В.В. Дементьевой. Ярославль, 8–20.
 26. Суриков И.Е. 2012б: Архонтат в Афинах: от истоков института до утраты им исторического значения // ВДИ. 2, 29–54.
 27. Суриков И.Е. 2012в: «Темные века» в Греции (XI–IX вв. до н.э.) – первый переходный период в истории европейской цивилизации // Переходные периоды во всемирной истории: Трансформация исторического знания / Под ред. М.С. Бобковой. М., 13–38.
 28. Суриков И.Е. 2012г: Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.
 29. Суриков И.Е. 2013: Афины в VIII–VII вв. до н.э.: становление архаического полиса (К вопросу о степени специфичности «аттического варианта») // ВДИ. 4, 23–43.
 30. Яйленко В.П. 1982: Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. (По данным эпиграфическим источников). М.
 31. Adak M. 2003: Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München.
 32. Blok J. 2013: Citizenship, the Citizen Body, and its Assemblies // A Companion to Ancient Greek Government / Ed. by H. Beck. Oxf., 161–175.
 33. Braun M. 1998: Die «Eumeniden» des Aischylos und der Areopag. Tübingen.
 34. Bruyn O. de. 1995: La compétence de l'Aréopage en matière de procès publics: Des origines de la polis athénienne à la conquête romaine de la Grèce (vers 700–146 avant J.-C.). Stuttgart.

35. *Burgess S.J.* 2005: The Athenian Eleven: Why Eleven? // *Hermes*. 133, 3, 328–335.
36. *Cadoux T.J.* 1948: The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // *Journal of Hellenic Studies*. 68, 70–123.
37. *Carawan E.M.* 1987: Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // *GRB S.* 28, 2, 167–208.
38. *Carter D.M.* 2004: Citizen Attribute, Negative Right: A Conceptual Difference between Ancient and Modern Ideas of Freedom of Speech // *Free Speech in Classical Antiquity* / Ed. by I. Sluiter, R.M. Rosen. Leiden; Boston, 197–220.
39. *Cohen D.* 2000: *Law, Violence, and Community in Classical Athens*. Cambridge.
40. *Cohen E.E.* 1997: *Athenian Economy and Society: A Banking Perspective*. Princeton.
41. *Cohen E.E.* 2000: *The Athenian Nation*. Princeton.
42. *Cohen D.* 2015: Tyranny or the Rule of Law? Democratic Participation in Legal Institutions in Athens // *CGDRR*, 167–178.
43. *Companion 2015: A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic* / Ed. by D. Hammer. Oxf.
44. *Coşkun A.* 2014: Perikles und die Definition des Bürgerrechts im klassischen Athen: Neue Vorschläge zu Inhalt, Zeitpunkt, Hintergrund und Auswirkung seines Bürgerrechtsgesetzes // *Historische Zeitschrift*. 299, 1–35.
45. *Coulson W.D.E.* 1990: *The Greek Dark Ages: A Review of the Evidence and Suggestions for Future Research*. Athens.
46. *Debnar P.A.* 2000: Diodotus' Paradox and the Mytilene Debate (Thucydides 3.37–49) // *Rheinisches Museum für Philologie*. 143, 2, 161–178.
47. *De Filippi M.* 2009: *Dignitas tra repubblica e principato*. Bari.
48. *Develin R.* 2003: *Athenian Officials 684–321 B.C.* Cambridge.
49. *Drews R.* 1983: *Basileus: The Evidence for Kingships in Geometric Greece*. New Haven.
50. *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Krise oder Vollendung? // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* / Hg. von W. Eder. Stuttgart, 11–28.
51. *Ehrenberg V.* 1927: Losung (κλήροσις, sortitio) // *RE*. Hbd. 26, 1451–1504.
52. *Errington R.M.* 1994: Ἐκκλησία κυρία in Athens // *Chiron*. 24, 135–160.
53. *Farenga V.* 2006: *Citizen and Self in Ancient Greece: Individuals Performing Justice and the Law*. Cambridge.
54. *Fisher N.* 2006: Citizens, Foreigners and Slaves in Greek Society // *A Companion to the Classical Greek World* / Ed. by K.H. Kinzl. Oxf., 327–349.
55. *Flower H.I.* 1992: Thucydides and the Pylos Debate (4/27–29) // *Historia*. 41, 1, 40–57.

56. *Fornara C.W.* 1971: *The Athenian Board of Generals from 501 to 404*. Wiesbaden.
57. *Gagarin M.* 1986: *Early Greek Law*. Berkeley.
58. *Gauthier Ph.* 1990: Quorum et participation civique dans les démocraties grecques // *Cahiers du Centre Glotz*. 1, 73–99.
59. *Georges P.* 1994: *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore.
60. *Gschnitzer F.* 1958: *Abhängige Orte im griechischen Altertum*. München.
61. *Hall J.M.* 2014: *A History of the Archaic Greek World ca. 1200–479 BCE*. 2nd ed. Oxf.
62. *Hamel D.* 1998: *Athenian Generals: Military Authority in the Classical Period*. Leiden.
63. *Hammer D.* 2015: Introduction // *CGDRR*, 1–7.
64. *Hammer D.* 2015b: Thinking Comparatively about Participatory Communities // *CGDRR*, 503–519.
65. *HAMPL F.* 1939: Poleis ohne Territorium // *Klio*. 32, 1–60.
66. *Hansen M.H.* 1983: *The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983*. Copenhagen.
67. *Hansen M.H.* 1987: *The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes*. Oxf.
68. *Hansen M.H.* 1989: *The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989*. Copenhagen.
69. *Hansen M.H.* 2010: The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // *GRB S.* 50, 499–536.
70. *Harris E.M.* 2013: How to Address the Athenian Assembly: Rhetoric and Political Tactics in the Debate about Mytilene (Thuc. 3.37–50) // *Classical Quarterly*. 63, 1, 94–109.
71. *Inventory 2004: An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation* / Ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxf.
72. *Jones J.W.* 1956: *The Law and Legal Theory of the Greeks*. Oxf.
73. *Konstan D.* 2015a: Reading the Past (On Comparison) // *CGDRR*, 8–19.
74. *Kosmetatou E.* 2013: Tyche's Force: Lottery and Chance in Greek Government // *A Companion to Ancient Greek Government* / Ed. by H. Beck. Oxf., 235–251.
75. *Lape S.* 2010: *Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy*. Cambridge.
76. *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* 1964: *Clisthène l'Athénien*. P., 1964
77. *Lintott A.* 2009: Citizenship // *A Companion to Ancient History* / Ed. by A. Erskine. Oxf., 510–519.
78. *Lomas K.* 2004: Hellenism, Romanization and Cultural Identity in *Masalia* // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 475–498.

79. *Mansouri S.* 2011: Athènes vue par ses métèques (V^e–IVe siècle av. J.-C.). P.
80. *Manville P.B.* 1990: The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton.
81. *Mossé C.* 2013: The Demos's Participation in Decision-making: Principles and Realities // The Greek Polis and the Invention of Democracy: A Politico-cultural Transformation and its Interpretations / Ed. by J.P. Arnason et al. Oxf., 260–273.
82. *Mouritsen H.* 2015: The Incongruence of Power: The Roman Constitution in Theory and Practice // CGDRR, 146–163.
83. *Mulgan R.G.* 1984: Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 46, 4, 539–560.
84. *Nails D.* 2002: The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis.
85. *Ostwald M.* 1986: From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley.
86. *Ostwald M.* 2004: Shares and Rights: «Citizenship» Greek Style and American Style // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources / Ed. by E.W. Robinson. Oxf., 159–171.
87. *Papadopoulos J.K.* 2008: The Archaic Wall of Athens: Reality or Myth? // Opuscula. 1, 31–46.
88. *Patterson C.* 2005: Athenian Citizenship Law // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambridge, 267–289.
89. *Raaflaub K.A.* 1997: Soldiers, Citizens, and the Evolution of the Early Greek Polis // The Development of the Polis in Archaic Greece / Ed. by L.G. Mitchell, P.J. Rhodes. L.; N.Y., 26–31.
90. *Raaflaub K.A.* 2015: Why Greek Democracy? Its Emergence and Nature in Context // CGRRR, 23–43.
91. *Raaflaub K.A., Ober J., Wallace R.W.* 2007: Origins of Democracy in Ancient Greece. Berkeley.
92. *Rhodes P.J.* 1972: The Athenian Boule. Oxf.
93. *Rhodes P.J.* 2009: Civic Ideology and Citizenship // A Companion to Greek and Roman Political Thought / Ed. by R.K. Balot. Oxf., 57–69.
94. *Rhodes P.J.* 2015: The Congruence of Power: Ruling and Being Ruled in Greek Participatory Communities // CGDRR, 131–145.
95. *Runciman W.G.* 1991: Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-End // The Greek City: From Homer to Alexander / Ed. by O. Murray, S. Price. Oxf., 347–367.
96. *Samuel A.E.* 1972: Greek and Roman Chronology: Calendars and Years in Classical Antiquity. München.
97. *Schmitz T.* 2010: The Mytilene Debate in Thucydides // Stimmen der Geschichte: Funktionen von Reden in der antiken Historiographie / Hg. von D. Pausch. B.; N.Y., 45–65.

98. *Schmitz W.* 1995: Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. ? / Hg. von W. Eder. Stuttgart, 573–597.
99. *Sinclair R.K.* 1991: Democracy and Participation in Athens. Cambridge.
100. *Staveley E.S.* 1972: Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca.
101. *Wallace R.W.* 1989: The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore.
102. *Wassermann F.M.* 1956: Post-Periclean Democracy in Action: The Mytilenean Debate (Thuc. III 37–48) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 87, 27–41.
103. *Williamson C.* 2015: The Evolution of Law and Legal Procedures in the Roman Participatory Context // CGDRR, 179–192.
104. *Wohl V.* 2009: Rhetoric of the Athenian Citizen // The Cambridge Companion to Ancient Rhetoric / Ed. by E. Gunderson. Cambridge, 162–177.
105. *Wood E.M.* 1988: Peasant-Citizen and Slave: The Foundations of Athenian Democracy. L.

Список сокращений

- ВДИ – Вестник древней истории
ДП – Древнее право
CGDRR – A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Oxf., 2015
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft

I.E. SURIKOV

**LA SPECIFICITÀ DEL DIRITTO
PUBBLICO GRECO ANTICO
IN COMPARAZIONE CON QUELLO
ROMANO**

RIASSUNTO

L'articolo, che ha un taglio generalizzante e comparativo, riguarda le rilevantisime differenze che è dato riscontrare tra il diritto greco e quello romano (compreso quello pubblico). Queste lasciano intravedere, ovviamente, sullo sfondo una differente mentalità tra questi due grandi popoli antichi. Si confrontano quindi la realtà greca dell'epoca della *polis* (che comprende il periodo arcaico e classico) con la realtà romana di età repubblicana. L'articolo inizia con un'analisi dettagliata di una serie di capitoli di un lavoro collettivo recentemente pubblicato (2015) dal titolo «*A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*», in particolare l'a. si sofferma su quei capitoli che si sono occupati del-

le istituzioni statali e del diritto. Subito dopo viene condotta un'analisi comparativa degli istituti più significativi del sistema giuspubblicistico delle *poleis* greche e di Roma: l'assemblea popolare, il Consiglio (per Roma, naturalmente, termine comparativo è il senato), i magistrati. Si studia anche il problema del rapporto tra cittadini e non cittadini dal punto di vista giuspubblicistico. Si sottolinea quindi il contrasto tra l'egualitarismo dei greci e il gerarchismo dei romani e inoltre tra l'«esclusività» greca e l'«apertura» romana evidenziando come la contrapposizione tra l'«esclusività greca» e l'«inclusività romana» appaia in rapporto diretto con la contrapposizione tra «egualitarismo greco» e «gerarchismo romano».